

Гу Цичи обхватил его ноги, дрожа от рыданий, почти умоляюще качая головой:

— Папа, не надо, папа, умоляю, я куплю тебе вина, только не бросай меня туда, папа, прошу...

Один за другим раздавались раздирающие душу крики, голос сорвался, превратившись в хрип, но это не помогло.

Тот, кого он называл «отцом», пнул его в воду. Поток накрыл с головой. Гу Цичи отчаянно пытался выплыть, барахтаясь руками и ногами, но лишь глубже погружался. В нос хлынула зловонная жижа, его лицо побледнело, и он медленно шёл ко дну, пока вода не сомкнулась над головой, скрыв последний проблеск света.

А его отец холодно наблюдал с берега за этой борьбой, словно демон из глубин ада. Блеснула молния, осветив небо белым светом, и последним, что увидел Гу Цичи перед потерей сознания, стала его злобная улыбка.

К счастью, в тот день «мать» Гу Цичи вернулась вовремя, а соседи, не оставаясь в стороне, прыгнули в воду и вытащили его, едва вернув к жизни.

Хотя Гу Цичи спасли, после долгого пребывания в воде и множества ран у него несколько дней держалась высокая температура, что подорвало здоровье и привело к хроническим проблемам. В то время он лежал в больничной палате, каждый день получая капельницы.

Он опускал глаза, раз за разом наблюдая, как медсестра вводила острую иглу в его вену, а его «отец» пристально смотрел на это. Тонкое, болезненное ощущение ползло по нервным окончаниям, достигая коры головного мозга.

Всё тело Гу Цичи мелко дрожало, и причина была лишь одна — он читал в том взгляде один посыл:

Тот действительно хотел, чтобы он утонул в той реке.

Когда Гу Цичи был ещё ребёнком, он не понимал, почему отец так его ненавидит, почему бьёт и ругает, даже если он ведёт себя хорошо, слушается и получает отличные оценки. Тот никогда не проявлял к нему ни капли доброты.

Лишь в шестнадцать лет, когда раскрылась правда о происхождении его и Гу Юйнина, Гу Цичи наконец понял: его «отец» и вправду был хорошим отцом, но не для него, а для Гу Юйнина.

Он всегда желал, чтобы Гу Цичи тихо исчез. Только тогда тайна происхождения Гу Юйнина осталась бы скрытой, и он мог бы продолжать наслаждаться богатством и славой семьи Гу.

В конце концов, мёртвые не свидетельствуют.

Алкоголь затуманил сознание, смешав воспоминания. Гу Цичи в полубреду отодвинулся от Бо Юя, слёзы беззвучно скатились по вискам.

— Не надо уколов, я не хочу.

Он попытался вырвать свою руку из захвата Бо Юя, едва не стукнувшись головой.

Бо Юй мгновенно среагировал, подставив ладонь под голову Гу Цичи, притянул его к себе и, глядя на слёзы на его лице, растерялся.

— Не пойдём в больницу, и уколов не будет, не плачь.

— Хорошо?

В его голосе звучала непривычная даже для него самого мягкость.

Слова Бо Юя подействовали успокаивающе, эмоции Гу Цичи понемногу стабилизировались.

Бо Юй нежно сжал его пальцы, взгляд стал тёмным, и он сильнее притянул его к себе.

Его рука обхватила талию Гу Цичи. Тот полузакрыв глаза, покорно устроившись у него на коленях, ресницы трепетали, в глазах плавало лишь размытое изображение.

— Кто ты? — тихо спросил Гу Цичи, склонив голову.

В такой позе он был чуть выше Бо Юя, отбрасывая на него лёгкую тень.

Бо Юй отпустил его руку и подушечками пальцев осторожно провёл по бледной щеке Гу Цичи, стирая следы слёз.

— Я Бо Юй.

Услышав это имя, Гу Цичи, кажется, вспомнил что-то приятное. Мгла на его лице рассеялась, янтарные глаза наполнились мягким светом, вспыхнув под дробным светом фонарей, словно звёзды.

Волосы у висков шевельнулись, обнажив нежно-розовые мочки ушей. Гу Цичи медленно, по слогам, повторил за ним:

— Бо Юй.

— Бо Юй.

— Бо Юй.

Он произнёс имя трижды, и Бо Юй каждый раз отзывался.

Гу Цичи прильнул к его руке, обнял за плечи и замолчал.

Машина мчалась по дороге быстро и плавно. Тонкие струйки дождя стекали по стеклу, рисуя причудливые узоры. За окном мелькали огни ночного города, красные, белые, жёлтые, синие пятна света расплывались и переплетались.

Они сидели близко. Гу Цичи, похоже, совсем выбился из сил, его голова беспомощно лежала на плече Бо Юя.

Ресницы опустились, отбрасывая на лицо лёгкую тень, уголки глаз покраснели, а всё тело, согретое хмелем, стало розовато-белым.

Он был тихим и прекрасным, словно фарфоровая кукла.

Его дыхание было ровным и долгим. Бо Юй сглатывал, его тёмный, невыразительный взгляд был прикован к спящему Гу Цичи.

Пусть поспит немного.

Бо Юй посмотрел в окно, прижал ладонь к стеклу, оставив на запотевшей поверхности отпечаток своей широкой и длинной руки, затем безучастно отвёл взгляд.

Он растёр подушечками пальцев влагу, оставшуюся на ладони, пытаясь прохладой усмирить своё нынешнее волнение.

Казалось, Гу Цичи спал беспокойно, он ворочался в его объятиях. Пальцы Бо Юя дрогнули, он поправил голову Гу Цичи, устроив её поудобнее.

Пусть спит, пока может. Ведь сегодня ночью спать ему уже не придётся.

Боясь потревожить Гу Цичи, Бо Юй заговорил тихо, голос его был низким и хриплым:

— Бай Хэн, сколько ещё ехать?

Услышав вопрос Бо Юя, Бай Хэн мгновенно «ожил», взглянул на дорогу и прикинул время.

— Господин Бо, примерно сорок минут.

Сорок минут...

Слишком долго...

Бо Юй недовольно цокнул языком, уже собираясь велеть Бай Хэну прибавить скорости, как вдруг человек в его объятиях проснулся.

Волосы Гу Цичи растрепались во сне, пряди кололи веки. Ему было некомфортно. Он откинул чёлку со лба, обнажив гладкий высокий лоб, на худом запястье обозначились изящные линии мышц.

— Бо Юй, куда мы едем? — спросил он нерешительно.

Бо Юй взглянул на него и равнодушно ответил:

— Домой.

Гу Цичи съёжился, вцепился в рубашку Бо Юя и яростно замотал головой:

— Нет, я не хочу домой.

Дыхание Бо Юя прервалось, взгляд потемнел, он крепко сжал его запястье:

— Гу Цичи, теперь уже поздно отказываться.

Гу Цичи продолжал качать головой, тихо бормоча, словно попал в кошмар:

— Не хочу домой, я не хочу домой, он будет бить меня...

— Я не хочу домой, ненавижу дом, ненавижу Чжоу Юаня...

Чжоу Юань...

Бывший приёмный отец Гу Цичи и родной отец Гу Юйнина.

Уловив в его словах неладное, Бо Юй приподнял его, заставив встретиться взглядами, брови нахмурились, лицо стало мрачным, словно перед бурей.

— Гу Цичи, говори ясно, кто тебя бил?

В этих прекрасных янтарных зрачках отразилось его собственное лицо. Слезы беззвучно скапливались в уголках глаз, большие и круглые, медленно скатываясь вниз.

Голова Гу Цичи раскалывалась от боли, словно он коснулся чего-то запретного. Острая боль в нервных окончаниях почти лишила его рассудка, губы побелели.

— Чжоу Юань, это Чжоу Юань, — сквозь боль выговорил он. — Он столкнул меня в воду, бил меня, хотел, чтобы я умер, хотел убить меня...

— Бо Юй, мне так больно, я не хочу домой...

Лицо Бо Юя стало мрачным. Он и раньше знал, что родные родители Гу Юйнина плохо обращались с Гу Цичи, но не предполагал, что Чжоу Юань осмелится так издеваться над ним.

Вспомнив, что Бай Хэн выяснил: жизнь Гу Цичи до шестнадцати лет была относительно спокойной, он понял — всё это был обман.

Наверняка семья Гу приложила руку, чтобы скрыть то, что творил с Гу Цичи Чжоу Юань.

— Где тебе больно? Гу Цичи, куда он тебя бил?

Гу Цичи лишь качал головой, повторяя одно:

— Больно...

Бо Юй вздохнул, прижал его к себе и принялся нежно похлопывать по спине, совсем как младенца.

— Больше не будет больно, и домой мы не поедem, хорошо?

— Я за тебя отомщу, сделаю так, что Чжоу Юань больше никогда не посмеет тебя тронуть, хорошо?

Успокаивающий поцелуй лёг на его лоб, неся с собой ощущение безопасности.

Гу Цичи кивнул, упёрся подбородком в плечо Бо Юя и прошептал:

— Хорошо, ты прогони его.

<http://bllate.org/book/17675/1647579>